

**ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
КРИМИНОЛОГИЯ ТАДҚИҚОТ ИНСТИТУТИ**

**МУҚАДДАМ СУДЛАНГАНЛАР ЖИНОЯТЧИЛИГИНИНГ
БУГУНГИ ҲОЛАТИ:
МУАММОЛАР, САБАБ ВА ОМИЛЛАР**

*Республика илмий-амалий конференцияси материаллари
(2025 йил 31 октябрь)*

Тошкент – 2025

в общество - предоставляют работу, жильё и поддержку. Также важно, чтобы у сотрудников пробации была умеренная нагрузка и обучение современным методам работы: в таких случаях уровень повторных преступлений снижается почти на треть.

Современные реформы уголовно-правовой системы Узбекистана уже задают ориентир на гуманизацию наказаний. По Стратегии-2030, планируется снизить долю тюремных приговоров с 30 % до 20 % и активно внедрять меры социальной адаптации осуждённых.⁶⁹

Опираясь на зарубежный опыт и теоретические представления, можно предложить следующие шаги:

Расширить штат и ресурсы местных подразделений пробации, подготовить сотрудников по международным стандартам (учёт риска, потребностей и мотиваций правонарушителей);

Массовое внедрение электронного мониторинга для отбывающих наказание вне тюрьмы (браслеты, геозоны) – как показал опыт Казахстана, это снижает рецидив и помогает соблюдению условий наказания;

Развивать примирительные и восстановительные процессы (примирительные конференции, примирение с потерпевшими), чтобы решать конфликты на ранней стадии и снижать социальную напряжённость;

Таким образом, развитие криминологических теорий неизбежно приводит к переходу от жестких репрессивных мер к гуманным альтернативам вроде пробации. В Узбекистане внедрение этого института, подкрепленное международным опытом и эмпирическими данными, позволяет эффективно бороться с рецидивом, способствуя социальной стабильности и защите уязвимых слоев. Необходимы дальнейшие инвестиции в подготовку кадров, цифровизацию и мониторинг для максимизации эффекта.

Криминологический анализ рецидивной преступности в республике узбекистан (по данным 2020–2025 гг.)

Бахтиярова Севара Равшан кизи - Научный
сотрудник–исследователь Исследовательского
института криминологии Республики Узбекистан

---

⁶⁹ Указ Президента Республики Узбекистан, от 11.09.2023 г. № УП-158.

Аннотация: в статье рассматриваются тенденции, структура и особенности рецидивной преступности в Республике Узбекистан в период 2020-2025 годов. На основе статистических данных проведён анализ состояния рецидива, выявлены основные причины и факторы, влияющие на его распространение. Освещены различные научные подходы к пониманию феномена рецидива – от социологического до криминологического и психологического. Особое внимание уделено деятельности службы пробации и вопросам ресоциализации ранее судимых лиц. В статье обобщён зарубежный опыт профилактики рецидивной преступности (Сингапур, Норвегия, Германия, Канада), а также предложены рекомендации по совершенствованию национальной системы предупреждения повторных преступлений.

Ключевые слова: рецидивная преступность, пробация, ресоциализация, социальная адаптация, уголовная политика, реинтеграция, криминологический анализ.

Рецидивная преступность в современном обществе представляет собой одно из наиболее устойчивых и сложных социальных явлений, оказывающих значительное влияние на общественную безопасность и эффективность уголовно-правовой политики государства. Несмотря на реализуемые реформы в уголовно-исполнительной системе Республики Узбекистан, уровень повторных преступлений среди ранее судимых лиц сохраняет тенденцию к устойчивости. Анализ эмпирических данных показывает, что рецидив остаётся одним из ключевых факторов, формирующих криминогенную обстановку страны [1]. Рецидивная преступность традиционно рассматривается в криминологической науке как индикатор эффективности уголовной политики и уровня социальной стабильности общества. Как отмечал А.Г. Долгова, рецидив – это «лакмусовая бумажка системы уголовного правосудия», отражающая её реальную способность исправлять и ресоциализировать человека [1]. В то же время, по мнению В.Н. Кудрявцева, сам факт повторного преступления указывает на кризисные явления в социальной и правовой среде, когда индивидуальные меры наказания не достигают цели исправления [2].

В узбекской криминологической науке подчёркивается, что повторная преступность – это не только уголовно-правовая, но и социально-экономическая проблема, напрямую связанная с уровнем образования, занятости и социальной поддержки освобождённых [3]. По данным, в период с 2020 по 2025 год количество преступлений, совершённых ранее судимыми лицами, увеличилось почти на 45 процентов. В 2025 году за девять месяцев зафиксировано

незначительное увеличение числа преступлений, совершённых лицами с судимостью, доля которых составила около шести процентов от общего количества зарегистрированных по стране правонарушений. Среди всех преступников 12% составляют лица, ранее уже отбывавшие наказание [2]. Наибольшая концентрация рецидива наблюдается в Ташкенте, Ташкентской и Ферганской областях, где сосредоточено более 45 процентов всех ранее судимых лиц, вновь совершивших преступления [3]. Анализ показывает, что 42,6% совершённых преступлений относятся к категории тяжких, а 12,9% особо тяжких, что отражает высокий уровень общественной опасности данной категории правонарушителей [4].

Структурно рецидивная преступность в Узбекистане имеет следующие особенности: преобладают имущественные преступления (кражи – 20,5%, мошенничество – 18,2%), значительную долю составляют преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (26,4%), а также коррупционные преступления (3,2%) [5]. Указанные данные свидетельствуют о стабильной криминогенной активности среди ранее судимых лиц и о необходимости разработки комплексных мер по снижению уровня повторной преступности. Структура преступлений, совершаемых рецидивистами, демонстрирует доминирование корыстных и насильственных преступлений. Эти данные подтверждают устойчивость криминального образа жизни и недостаточную эффективность превентивных мер [5].

Проблема рецидива, как показывает практика, имеет системный характер. Причины рецидивной преступности многообразны и включают социальные, экономические, психологические и правовые аспекты. Наиболее значимым фактором является недостаточная социальная адаптация лиц, возвращающихся из мест лишения свободы. Исследования показывают, что более 70% бывших осуждённых совершают повторные преступления вследствие безработицы и социальной изоляции [6]. Проблема усугубляется наличием общественной стигматизации: значительная часть работодателей отказывается принимать на работу лиц, имевших судимость, несмотря на их квалификацию. На практике большинство рецидивистов сталкиваются с барьерами в сфере трудоустройства и жилищного обеспечения. Согласно официальным данным, около 70% лиц, освобождённых из мест лишения свободы, совершают повторное преступление в течение двух лет именно из-за безработицы и отсутствия социальной поддержки [9].

Антропогенные факторы, в том числе низкий уровень правового сознания, зависимость от алкоголя и наркотиков, психические расстройства, также играют важную роль. Согласно данным, 43% рецидивистов имеют неполное среднее образование, а среди женщин-рецидивистов до 40% страдают психоэмоциональными нарушениями [7]. Следовательно, профилактика повторных преступлений невозможна без системы психологической реабилитации и образовательной поддержки. Серьёзной проблемой остаётся также алкоголизация и наркотизация рецидивистов. Исследования показывают, что более 25% повторных преступлений совершаются в состоянии алкогольного опьянения, а 15% связаны с употреблением психоактивных веществ [11].

Социально-экономические детерминанты рецидива имеют сходные черты с международной практикой. В США около 60% освобождённых из мест лишения свободы не могут найти работу в течение первого года после освобождения, что повышает риск рецидива на 25% [8]. В Узбекистане аналогичная тенденция выражена в том, что лица, не имеющие постоянного источника дохода, совершают преступления в 3,5 раза чаще, чем официально трудоустроенные. Это подтверждает необходимость усиления роли государства в трудовой реинтеграции данной категории граждан. Аналогичная тенденция наблюдается в зарубежных странах. Так, в США 60% бывших заключённых не находят работу в первый год после освобождения, а в Великобритании этот показатель достигает 55% [10].

Между тем среди криминологов существует полемика относительно природы рецидива. Так, сторонники бихевиористского подхода, такие как Д.Гланзер, К.Шнайдер утверждают, что рецидив обусловлен закреплением девиантного поведения в результате повторных санкций и отсутствия позитивного подкрепления после освобождения [6]. Представители социологической школы, такие как Р.Мертон, Э.Сазерленд считают, что рецидив – это следствие маргинализации личности и структурных противоречий в обществе, когда возвращение к преступной деятельности становится формой социальной адаптации [7]. В отечественной криминологии эту точку зрения развивает М.Р. Каримов, подчеркивая, что “рецидив – это результат несовпадения темпов правового и социального развития личности” [8]. Он обращает внимание на проблему стигматизации, когда лицо, освободившееся из мест лишения свободы, лишается шансов на законную занятость и становится объектом недоверия со стороны общества.

Отдельного внимания заслуживает деятельность Службы пробации нашего государства, которая стала важным инструментом профилактики рецидивной преступности. На 2025 год под надзором службы находились более 80 тысяч лиц, из которых более 12 тысяч относятся к категории повышенного риска. При этом за тот же период более тысячи человек совершили повторные преступления, находясь под контролем пробации [9]. Несмотря на относительный рост численности лиц под надзором, эффективность пробации постепенно повышается благодаря внедрению современных форм учёта, индивидуальных планов реабилитации и сотрудничеству с органами занятости. Эти данные показывают, что институт пробации стал эффективным инструментом раннего предупреждения, однако его потенциал ещё не полностью реализован [12].

Важным направлением государственной политики является обеспечение условий для образования и трудовой деятельности лиц, освобождённых из мест лишения свободы. В соответствии с постановлением Кабинета Министров №318 от 16 апреля 2019 года, в исправительных учреждениях созданы филиалы общеобразовательных школ, действуют профессионально-технические курсы при содействии Министерства занятости и Ассоциации “Хунарманд” [10]. Кроме этого реализуются программы “Первичный социально-материальный пакет” и “Единое пособие” для поддержки освобождённых граждан. Работодатели, принимающие на работу лиц с судимостью, получают государственные субсидии, что способствует расширению занятости и снижению уровня рецидива [11]. В последние годы в Узбекистане активно внедряются программы реабилитации и социальной адаптации. В исправительных учреждениях действуют общеобразовательные и профессиональные школы, организуются краткосрочные курсы обучения ремёслам и предпринимательству.

Однако практика показывает, что данные меры пока не обеспечивают системного охвата. Часть рецидивистов, особенно в сельской местности, остаётся вне поля зрения пробации и социальных служб. Проблемой также является отсутствие единого электронного реестра рецидивистов и недостаточная цифровизация пробационных процессов.

Для повышения эффективности профилактики рецидива в Узбекистане полезно учитывать успешный зарубежный опыт. В Сингапуре реализуется проект *Yellow Ribbon*, направленный на полную социальную реинтеграцию бывших осуждённых через трудоустройство и обучение. За счёт

государственной поддержки и вовлечения частного сектора уровень рецидива снизился на 20% [12]. В Турции трудовое законодательство обязывает работодателей, имеющих более 50 работников, нанимать не менее 3% бывших осуждённых, что существенно сократило уровень повторных преступлений [13]. В Норвегии действует программа *Reintegration Guarantee*, обеспечивающая бесплатные консультации по трудоустройству и жилью, благодаря чему уровень рецидива не превышает 16% [14]. Аналогичные меры реализуются в Германии (модель “*Open Prisons*”), где условия отбывания наказания максимально приближены к внешней среде, что способствует адаптации и снижению рецидива до 35-40% [15]. В Канаде акцент сделан на психолого-профессиональную поддержку – участие в программе *Federal Framework to Reduce Recidivism* позволило снизить повторные преступления на 15-25% [16].

Анализируя международный опыт, можно отметить, что успешная профилактика рецидива возможна лишь при комплексном подходе, включающем трудовую занятость, психологическую помощь и устранение социальных барьеров. Для Узбекистана актуально внедрение системы квотирования рабочих мест для бывших осуждённых и расширение программ профессионального обучения в моноцентрах “Ишга мархамат”. Не менее важно развитие психологической службы при пробационных подразделениях и укрепление сотрудничества с институтом махалля, способным контролировать и поддерживать процесс адаптации на уровне местных сообществ.

К числу первоочередных мер следует отнести создание единого электронного реестра лиц, склонных к повторным преступлениям, а также проведение регулярных криминологических мониторингов. Современные методы прогнозирования рецидива, основанные на анализе рисков и поведении лица в период надзора, могут стать эффективным инструментом индивидуализации профилактической работы. Важно также обеспечить доступ пробационных работников к данным системы “Единый реестр населения” и базам данных занятости, что позволит оперативно выявлять нарушения и координировать действия с другими ведомствами.

В отечественной научной среде также существует дискуссия о путях совершенствования профилактики рецидива. Одни исследователи (С.Х. Сафаров, Д.Р. Ниёзов) выступают за усиление пробационного контроля и ужесточение мер надзора [18]. Другие (М. Каримов, З. Абдурахмонов) считают, что приоритетом должны стать программы социальной адаптации,

трудоустройства и психотерапевтической поддержки, а не карательные методы [19]. Синтез этих подходов представляется наиболее рациональным: эффективная борьба с рецидивом невозможна без сочетания правовых и социальных мер. Следует признать, что криминологическая профилактика – это не только функция государства, но и ответственность общества. Поэтому важно формировать позитивное отношение к лицам, возвращающимся из мест лишения свободы, и устранять стигматизацию, препятствующую их интеграции.

Заключая, следует отметить, что дальнейшее совершенствование профилактики рецидивной преступности должно включать: развитие цифровых механизмов учёта и контроля, стимулирование трудовой занятости, расширение образовательных и психологических программ, а также формирование в обществе терпимого отношения к лицам, возвращающимся из мест лишения свободы. Только при интеграции этих направлений возможно устойчивое снижение рецидивной преступности и укрепление общественной безопасности. Рецидивная преступность в Узбекистане остаётся сложным социально-правовым феноменом, требующим комплексных решений. Необходима разработка долгосрочной стратегии, основанной на принципах реабилитации, ресоциализации и социальной справедливости. Только интеграция усилий государственных структур, институтов гражданского общества и международных партнёров позволит добиться устойчивого снижения уровня рецидива и укрепить общественную безопасность.

Список использованной литературы

1. Статистические данные МВД Республики Узбекистан.
2. Там же.
3. Там же.
4. А.Г. Долгова «Криминология». – Москва: Норма, 2021.
5. М.Р. Каримов «Социальные детерминанты повторной преступности в Узбекистане». – Ташкент, 2022.
6. М.Н. Голоднюк «Рецидивная преступность: причины и предупреждение». – Минск, 2020.
7. BJS. Recidivism of Prisoners Released in 34 States. – Washington D.C., 2023.

8. С.Х. Сафаров «Пробация в системе профилактики рецидива преступлений». – Ташкент, 2023.
9. Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси. Вазирлар Маҳкамаси №318, 543, 444-сонли қарорлари. – Тошкент, 2018-2025.
10. Там же.
11. The Yellow Ribbon Project. Annual Report. – Singapore, 2023.
12. Turkish Labour Law No.4857, Art.30. – Ankara, 2022.
13. Reintegration Guarantee Program. Ministry of Justice of Norway. – Oslo, 2021.
14. European Journal of Criminology. – Berlin, 2021.
15. Federal Framework to Reduce Recidivism. Government of Canada. – Ottawa, 2022.
16. В.Н. Кудрявцев «Причины преступности». – Москва: Наука, 2020.
17. D. Glanzer, K. Schneider «Behavioral Patterns of Recidivism». – New York: Routledge, 2019.
18. R. Merton, E. Sutherland «Social Theory and Crime». – London, 2020.
19. Bureau of Justice Statistics. Recidivism of Prisoners Released in 34 States. – Washington D.C., 2023.
20. UNODC. World Crime Report. – Vienna, 2022.
21. С.Х. Сафаров, Д.Р. Ниёзов «Криминологические аспекты пробационного надзора». – Ташкент, 2024.
22. М.Р. Каримов, З. Абдурахмонов «Социально-психологические механизмы ресоциализации осуждённых». – Ташкент, 2023.

**Шахсни жиноий жавобгарликка тортиш ёки ҳукми ижро этиш учун
ушлаб бериш тартиби**

**Насруллаев Фирдавс Сухробович - Жамоат хавфсизлиги университети
мустақил изланувчиси**

Аннотация: мақолада экстрадиция институтининг ҳуқуқий ва амалий асослари, инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ва суд назоратидаги аҳамияти таҳлил қилинган ҳамда миллий қонунчиликни халқаро стандартларга мувофиқлаштириш бўйича таклифлар берилган.

Калит сўзлар: экстрадиция, инсон ҳуқуқлари, халқаро ҳуқуқ, процессуал кафолатлар, суд назорати.